

Календарь переверну

Вряд ли кто специально придумал перебить бесланскую трагедию мемной песней Михаила Шуфутинского. Но...

10:55, 8 сентября 2025,

Антон Орехъ

*Я календарь переверну,
И снова третье сентября...*

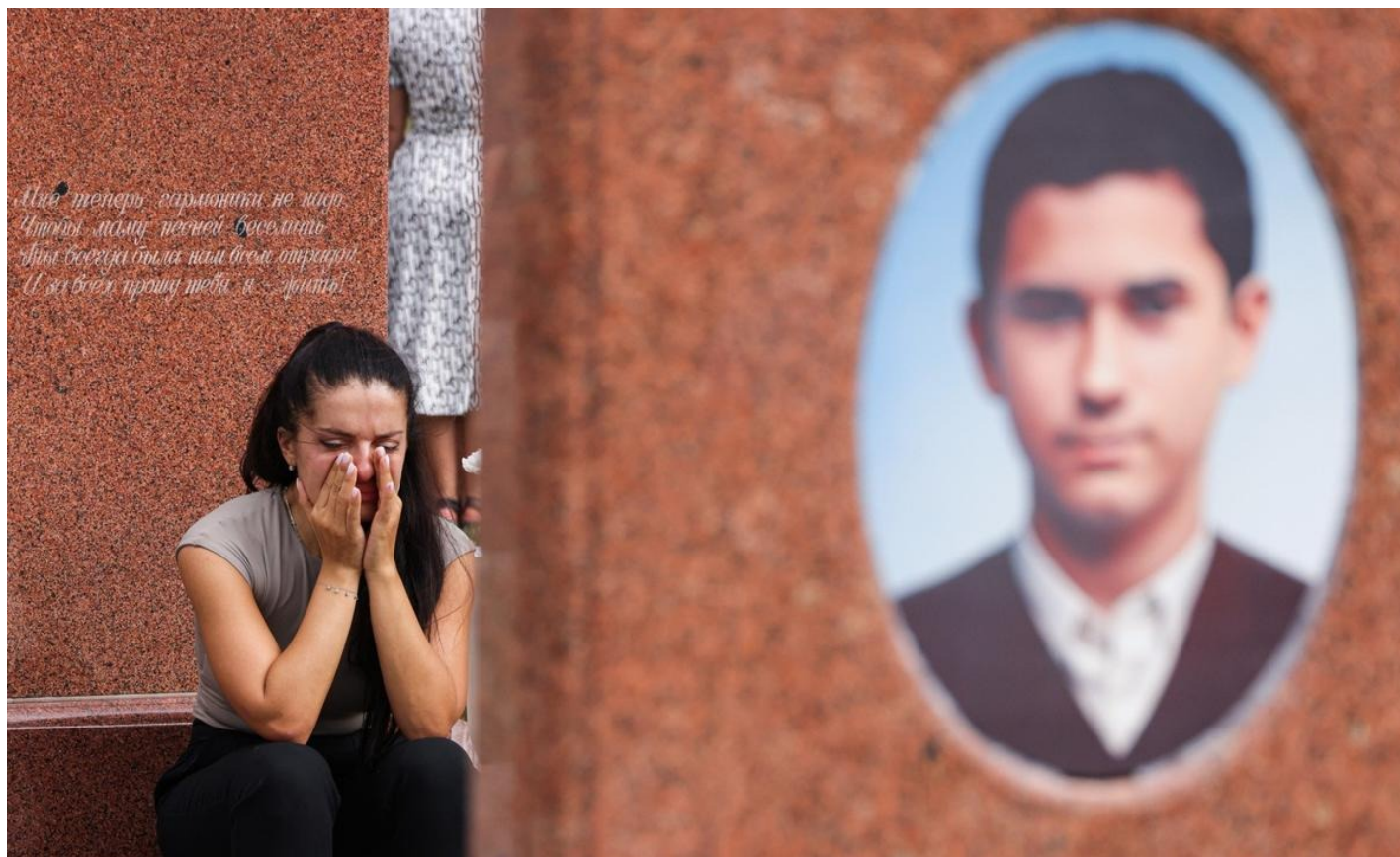

Фото: Сергей Карпухин / ТАСС

Не знаю, надо ли вообще об этом писать несколько дней спустя. Сейчас вообще переживания не живут долго. Любые. И даты с годовщинами. Жизнь легка. Даже если кажется тяжелой. Жизнь проще переживать через мемы. Литературу перестали воспринимать через книги, музыку — через альбомы. Тексты не изучают дальше заголовков. Для кино лучший формат — тикток. Песня Шуфутинского тоже не стала бы «народной», если бы в тексте не было даты, превратившей ее в мем. Про «календарь переверну» и про «костры рябин».

К Михаилу Шуфутинскому я отношусь спокойно — не худший из нашего шансона человек. И к песне этой отношусь так же. Только для меня 3 сентября — точно не мем. И не песня. И не Шуфутинский. Для меня 3 сентября — навсегда Беслан. Который я вспоминаю не только, когда дата делится на пять или на

десять и вроде есть повод для скорби по случаю «юбилейной» годовщины. Беслану теперь уже 21 год. Даже те, кто родились в 2004-м (а у меня ребенок в том году родился), давно школу закончили, и некоторые из них своих детей уже имеют. Дети, пережившие ту трагедию, — совсем взрослые люди. А время если не лечит совсем, то притупляет и горе, и возмущение, и разочарование, и обиды. Тем более в наше время — время коротких форматов и короткой памяти.

Но Беслан — это одно из тех событий, которые определили и нашу теперешнюю жизнь. Описали ее столь же безжалостно, как «Норд-Ост» или «Курск». Видимо, слишком безжалостно, чтобы о нем вспоминали. Президент Путин приезжал в Беслан 4 сентября 2004 года, а потом — внезапно — в августе прошлого. Вроде бы и совсем не приехать было невозможно, и ровно в годовщину приезжать... некомфортно. Нам всем некомфортно. А то еще начнем переживать, задавать вопросы... Догадываясь об ответах и испытывая от этого еще больший дискомфорт.

Я далек от мысли, что кто-то специально устроил «контрпрограммирование» и придумал перебить бесланскую трагедию мемной песней Михаила Шуфутинского. Но она была спета им впервые еще в 1993 году. И была просто одной из многих в репертуаре певца до 2011 года, когда внезапно и превратилась в мем, которого избыточно много, и чем дальше, тем больше. В этой нарочитой восторженности, веселой разминке, которая начинается в соцсетях чуть ли не с 1 сентября, есть что-то для меня все-таки странное. Как будто мы если не специально, то подсознательно пытаемся вытеснить из памяти один очень неприятный для нас всех эпизод и психологически ухватились за эту песню, за календарь и рябины.

В этом сюжете происходят и совсем уж вычурные повороты. Сборная России по футболу проводила товарищеский матч с Иорданией. Официальных игр у нас нет с февраля 2022 года, а

спорт — единственная область, где санкции оказались стопроцентно болезненны. Поэтому даже товарищеские игры стали важны и собирают полные трибуны. Играли в четверг вечером, то есть уже когда подходило к концу 4 сентября.

Но Российский футбольный союз позвал Шуфутинского. Чтобы он спел про 3 сентября. Четвертого вечером пел про третье. Это выглядело уже полной бессмыслицей.

Или, как написал мне в телеграме мой читатель, «просто пригласить Шуфутинского петь про третье сентября именно третьего сентября у РФС не хватило денег...»

Деньги-то у РФС есть. Нет чего-то другого. Это другое неожиданно нашлось у Медиалиги. Футбольного проекта, который как раз на хайпе, мемах и скандалах и держится во многом. Но участники Медиалиги нашли время и возможность прийти 3 сентября к памятнику жертвам Беслана в Москве. У них оказались живы и память, и чувства. Сборная России по футболу времени не нашла, а РФС не вспомнил. Ни минуты молчания, ни какого-то другого символического жеста. Да, играли с иорданцами не день в день. Но ведь и Шуфутинский не день в день, а спел же.

Впрочем, правильной скорби нас учат все кому ни лень, и встраиваться в эти ряды, примеряя на себя белое пальто, я не хочу. Каждый сам выбирает, о чем помнить, что отмечать, а что оставить в стороне. Но обращаю ваше внимание и еще на один факт.

Прочитал, что в Италии восемь улиц или

площадей названы в память о детях Беслана, а в России — только одна. В Осетии мемориалов много, конечно, но такое впечатление, что трагедию бесланской школы постепенно перевели в разряд региональных событий.

И вообще было бы лучше, если бы все это стало просто памятью тех семей, которые потеряли близких. Тем более что за два десятилетия после Беслана каких только трагических историй не случилось. А прямо сейчас мы наблюдаем колоссальную трагедию, когда каждый день гибнут люди, и длится это уже четвертый год.

Но мы и теперь дистанцируемся, экранируемся от беды, смотрим в другую сторону и думать стараемся о другом. И готовы слушать хоть про 3 сентября Шуфутинского, хоть что угодно еще. Мы боимся воспоминаний. Боимся вопросов. Точнее, боимся ответов на эти вопросы. Потому что правильные ответы побуждают к действию. К которому мы не готовы.